

момент общения с блестящими артистами. Никто никому ничем не обязан, да и собираются люди ненадолго. А в театре достаточно замкнутый круг, и артисты там друг к другу по-иному относятся...

-Н *о все же ваша творческая жизнь без театра невозможна?*

— Конечно. Начинала я в Театре имени Ленинского комсомола — очень модном, куда мечтали попасть многие выпускники. Поэтому театр был заветным, было из чего выбирать.

Марк Захаров увидел меня в студенческом спектакле и сказал, что он бы попробовал меня в «Жестоких играх». Тогда был голод на «молодежную тему», и эту пьесу Алексея Арбузова ставили почти все театры страны. Захаров сказал сразу, что взять меня в штат он не может, мест нет, и вообще, неизвестно, получу ли я эту роль, потому что есть другая исполнительница. В общем, пока только пробы... Я ходила на репетиции, а параллельно вела переговоры с Товстоноговым. Эту пьесу ставили в БДТ, Георгию Александровичу меня порекомендовали, он сказал: берем.

Мне хотелось в БДТ, но я не решалась уехать из Москвы...

Тут артисты, с которыми я репетировала, сказали Захарову обо

мне хорошие слова, и он задумался. Когда же узнал, что меня берет Товстоногов, сразу нашел для меня место. Так я оказалась в Ленком.

Это были замечательные годы, особенно первые из них, — по атмосфере в коллективе, по желанию работать. Ставка делалась на молодежь, и в труппе царила изумительная атмосфера такого молодого цинизма, которая позволяла провести молодые годы своим самым-самым лучшим образом... Захаров не был еще таким монументальным, общепризнанным мастером — его постоянно снимали с должности художественного руководителя, ему приходилось отстаивать каждый спектакль...

Я давно уже ушла из этого театра, но уважение и любовь к Марку Захарову сохранила на всю жизнь, потому что актриса Догилева родилась на сцене Ленкома и взрастил ее именно Марк Захаров.

— Мы заговорили о Мастерах. Не так давно судьба свела вас с Петером Штайном...

— Штайн — это абсолютный и законченный гений. Это такой человек, у которого абсолютно другой масштаб всего. Другие отношения со Вселенной, совершенно другая степень образованности. В моем представлении только дореволюционные профессора были так образованы. Он ориентируется в древнегреческой мифологии, как у себя на кухне. Знает по имени всех — каждую нимфу, каждого пастушка, любого маленького воина — и каждого любит, каждым восхищается.

— Как же вы попали к Штайну в «Орестею»?

— Он ездил по театрам, отбирал артистов. Посмотрел, как мы с Романом Виктюком репетировали «Наш Декамерон». Потом пригласил меня на встречу, я приехала и, при полной моей наглости и необразованности, сказала ему: «Зачем вы взяли такую плохую пьесу? Это же невозможно играть! Давайте что-нибудь другое возьмем». — «Значит, ты не будешь играть?» — «Пьеса мне не нравится, а вы мне нравитесь. Поэтому я буду играть». Дело было весной, и он сказал, что в октябре встречаемся...

Но тут же я узнала, что Штайн ищет другую актрису, отказавшись от меня: мол, ну ее, ей пьеса не нравится. Я попереживала недели две, потому что не думала, что западные режиссеры такие же глупы, что и наши. В глаза — одно, а поступил совершенно по-другому... Потом я про все это забыла. Когда же через какое-то огромное количество времени раздался звонок и меня спросили, не соглашусь ли я на роль Электры, я ответила: «Но это же вы отказались от меня, а не я от вас, поэтому я соглашаюсь». И пошла.

Штайн все время втолковывал нам: я знаю, вам не нравится пьеса, но верьте мне на слово — это лучшая пьеса в мире! Потом поймете сами... Мы долго не понимали и, только отыграв несколько десятков спектаклей, начали понимать, какая великая пьеса «Орестея». Мы с ней объездили много стран, и самое сильное впечатление в моей профессиональной жизни — то, как мы играли древнегреческую трагедию в Эпидавре — ночью, в древнегреческом театре.

Александр Бондаренко

